

Зачем Ростропович купил кресло Ленина?

Продолжаем публикацию фрагментов из книги Тамары Грум-Гржимайло "Ростропович и его современники". (Начало в "ВК" №13).

С Верой Горностаевой. 1995 г.

Легенда о бриллианте "голубой воды"

Профессор Московской консерватории замечательная пианистка Вера Горностаева вплоть до перестройки была человеком, явно не угодным режиму. Но и режим отступал под напором ее Личности и Таланта. Она играла до 90 концертов в году, гастролировала по всей стране вместе со своими учениками. А в 1990 году ее пригласила к сотрудничеству фирма "Ямаха".

Мы рассматриваем фотографии из японской жизни Верочки. Вот она в гостях у президента фирмы "Ямаха", за трапезным столом.

— И ты умеешь есть палочками?

Вера от души смеется и говорит:

— Не умела, да Слава Ростропович научил. Кстати, он — президент Музыкального фонда Ямахи. И когда я впервые приехала в Японию, Слава меня опекал.

— Так расскажи о палочках без вилочек.

— В первые же дни моего пребывания в Японии пришлось бывать на каких-то приемах, и я сидела за столом между Ростроповичем и Вишневецкой. И вот дали мне палочки. Но я сказала: "Я не умею палочками есть". Тогда мне пообещали принести нож и вилку. И тут Слава вдруг громко запротестовал: "Нет! Нет! Как можно в Японии есть японскую еду ножом и вилкой? Ты должна научиться. Я тебе сейчас покажу. Ты готова?" Я принялась за "учебу". Все у меня сваливалось с этих палочек. А мой учитель-мучитель кричал, что я бестолковая. Короче говоря, он меня все-таки выучил.

Слово за слово — и начался у нас с Верой долгий разговор о нашем старинном друге и любимце Славе Ростроповиче.

Она вспомнила об их самой первой встрече:

— Моя мама работала в одной музыкальной школе вместе с Софьей Николаевной Ростропович — матерью Славы. Они очень дружили. Он был очень худенький, долговязый мальчик в очках из нашего военного детства. В памяти очень смешной эпизод, когда Слава дурачился, изображая влюбленного. Дело было, кажется, в Пензе, в эвакуации. Была у нас такая Юля Кавецкая — круглолицая, розовощекая, но очень застенчивая девочка. Взяв маленькую виолончель-четвертинку и положив ее под подбородок, как скрипку, Слава залеп арию Ленского, стоя на одном колене и водя смычком по струнам: "Я люблю вас... Юля, я люблю вас..." И Юля млела, не зная, куда глаза девать.

— А Славе было сколько лет?

— Лет 13 -- 14. Он был длиннющий, чрезвычайно симпатичный и фантастически активный, живой, наделенный какой-то совершенно бешеной энергией. Ну, собственно, такой, как и сейчас! Не человек, а по-

лежит, сисеночки такие маленькие... И понес, и понес, все в таком же роде, в таком же балагурном тоне. Словом, опять он в буфете всех развлекал. Опять — скоморох! Ну, что тут скажешь?

— А ты помнишь, как однажды вдруг разнесся слух в музыкальном мире: Ростропович коллекционирует мебель, на которой сидел... Ленин?! Дескать, он был за рубежом и откуда-то — то ли из Цюриха, то ли из Лондона, из библиотеки — привез некое кресло, на котором в свое время сидел и трудился Владимир Ильич?! Вот такая ходила в народе легенда.

— А я никогда не забуду одну фантастическую историю, которую он рассказывал мне однажды в самолете Токио — Москва. Была какая-то важная дата у Галины Вишневецкой. Разумеется, Галя ждала от супруга роскошного подарка. А он ее замечательным образом разыграл. Схулиганил! Но как?! Он подарил ей некую брошю-зверюшку — весьма скромненькую, по их понятиям, вещь за 700 -- 800. У Галины, конечно, вытянулось лицо, ибо она ждала чего-то экстраординарного. Но промолчала...

А Слава, оказывается, готовился к юбилею заранее. Он связался с фирмой Картье, которая, если не ошибаюсь, производит бриллианты, и попросил подобрать нечто особенное для всемирно известной примадонны Галины Вишневецкой. И фирма начала поиски како-

С Галиной Вишневецкой.

го-то особо огромного бриллианта "голубой воды" чуть ли не в 40 карат. И нашла этот редчайший бриллиант. И отдала его особым образом для пальца Галины. И всем этим Слава занимался с таким упованием и любовью — втайне от своей "половины".

А дальше был целый спектакль. Отметили дату в ресторане. Вернулись домой вместе с дочерьми. И тут Галина не выдержала: схватила злополучную брошю-зверюшку и швырнула ее прочь: "Не нужна мне эта брошка! Такая дата, а ты не мог найти для меня ничего интереснее?! И пошло-поехало... Слава выслушал всю Галину брань молча, с побитым лицом. А потом достал уныло из кармана пиджака старый, какой-то занюханный спичечный коробок и сказал: "Ну, раз тебе не нравится брошка, дарю тебе спичечный коробок, если на то пошло..." Тут Галина вдруг что-то почувствовала (ибо знала, какие "коленца" Слава способен выкинуть) и стала осторожно так спичечную коробку открывать. Развернула ватку, а там внутри — этот перстень с бриллиантом "голубой воды"... "А-а-а-а-а!!!" Вольсь счастья! Галя расплакалась и кинулась к нему на шею...

Рассказывая мне в самолете эту удивительную историю о чудо-бриллианте, Слава закончил ее фразой, которую я тоже никогда не забуду: "Ты понимаешь, ну что для меня этот бриллиант по сравнению со слезами радости в глазах у Гали? Ведь для меня дороже этих слез ничего в жизни нет".

Лауреат Всесоюзного конкурса музыкантов-исполнителей Мстислав Ростропович. 1945 г.

Парижские чертоги

Дом на авеню Georges Mandel, в фешенебельном квартале, где обитает, как говорят, вся состоятельная верхушка Парижа, — душевный приют Мстислава Ростроповича и Галины Вишневецкой. Здесь собраны главные духовные реликвии их скитальческой эмигрантской жизни. В Париже живет их младшая дочь и четверо внуков. Именно в парижской Гранд Опера пела, покидая сцену, свой прощальный спектакль "Евгений Онегин" Чайковского блистательная русская певица и актриса Вишневецкая в октябре 1982 года.

Парижский дом Ростроповичей — дворцово-музейной и театральной красоты чертог, источающий магию великой русской (великосветской!) культуры, со всеми ее святынями и безумствами. Именно он приоткрывает тайну их гармонии. Оба они оказались способны создать в чужих странах свой особый мир русской загадочной красоты и истинно русской подвижнической неприкаянности.

Пусть сто раз облетела мир — через прессу — весть о ценнейшей коллекции живописи и произведений искусства, о музейной мебели екатерининских времен и каких-то царских занавесах из Зимнего дворца, которыми так гордится Ростропович. И все-таки эта весть — ничто в сравнении с тем, что открывается душе здесь, в парижском обиталище Мстислава и Галины. Здесь изобилие специально подобранного музейного антиквариата — будь то подлинники картин Венецианова, Боровиковского, Брюллова, Репина, подсвеченные специальными театральными софитами, будь то русские иконы и огромный, во всю стену, портрет императора Николая II или целый расписной хоровод всяких самоваров, чайников, фарфоровых статуэток. И, представьте себе, в центре главной музейной комнаты стоит едва ли не главный экспонат — огромный овальный мраморный стол на золотых "а ля рококо" ножках, а в центре овала — роскошный, яркий рисунок русской тройки в стиле палежских шедевров — любовно сделанная работа итальянских мастеров из Флоренции,

по специальному заказу Ростроповича.

В этом его русском собиранстве проступает что-то трагическое-шалашинское.

— Подожди меня немного, я должен проводить герцогиню Люксембургскую, — сказал он почти шепотом. — Рассматривай тут все, что нравится...

А потом, после ухода герцогини, почти целый час разговор наш продолжался, не смотря ни на какие телефонные звонки и вторжения Галины, напминавшей о чем-то неотложном. До 250 концертов в год дает этот музыкант-гигант, из которых 30 — благотворительные. А кроме того — организация больших фестивалей, постановка опер, запись классического и современного репертуара ("пока я еще технически чувствую себя крепко на виолончели").

— Что заставляет тебя принимать такой напряженный ритм?

— Я не могу отказаться от чего-то, что меня страшно интересует. У меня нет пустяковых концертов. Либо я выучиваю что-нибудь новое, очень важное для себя, либо я делаю оперные спектакли, как, например, новую оперу Альфреда Шнитке в театре Амстердама — как я могу от этого отказаться? Вот Галя Вишневецкая поставила, а я дирижировал "Царскую невесту" в Монако. Потом мы сделали это в Риме, в Вашингтоне.

— Как известно, даже у великих дирижеров через какой-то период времени возникают сложные отношения с оркестром. Это было и у Караяна, и у Тосканини...

— Видишь ли, я никогда не смотрел эгоистически на работу с оркестром. Когда я почувствую, что у меня не хватает физических сил или что я уже не могу дать этому коллективу что-то новое, я, безусловно, сам уйду из оркестра и займусь чем-нибудь другим — например, буду писать книгу о своей жизни.

Много раз звонил телефон. Ростропович подбежал в дальний угол комнаты к трубки и в темпе prestissimo выпаливал: "Очень рад. Обнимаю тебя. Целую. Сейчас убегаю... А завтра улетаю..."

(Окончание следует).

